

**Раздел 18. Определения основных понятий, используемых в
Федеральном законе от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ**

**Definition of Basic Concepts of the Federal Law of 29 December 2010 № 436-
ФЗ**

Научный редактор:

доктор психологических наук, профессор А.Ш. Тхостов

Авторский коллектив:

канд. психол. наук Плужников И.В., канд. психол. наук Печникова Л.С.,
канд. психол. наук Бурлакова Н.С., канд. психол. наук Бардышевская Н.К.,
Пристанская О.В., канд юр. наук., канд. психол. наук Рыжов А.Л., канд.
психол. наук Шайгерова Л.А.

Аннотация: Содержание и способ подачи информации, предоставляемой медиа потребителям, могут оказать сильнейшее воздействие на здоровье, психическое и физическое развитие детей и подростков. Зачастую очень сложно бывает определить, какая информация, как именно и в каком возрасте ребенка повлияет на его эмоциональное состояние, установки или поведение, так как воздействие информации в конечном счете всегда субъективно и опосредуется целым рядом условий и факторов. В данном разделе предпринята попытка определить в целом понятия, используемые в Федеральном законе от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ, характеризующие информацию, которая при определенных условиях может стать вредоносной для детей и подростков.

Проведенный анализ используемых в законе понятий, тем не менее, показал, что ряд из них требует последующих уточнений, более длительного и глубокого междисциплинарного исследования и нуждается в дальнейшей разработке и уточнении.

Ключевые слова и понятия: информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью; информация, способная вызвать у детей желание употребить психоактивные вещества, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; информация, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным; информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; информация, оправдывающая противоправное поведение; информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику; информация, содержащая детскую порнографию; изображение (описание) жестокости; изображение (описание) насилия; информационная продукция, содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани; пропаганда насилия и жестокости; пропаганда антиобщественных и противоправных действий; пропаганда преступлений.

Статьи закона, ставшие предметом рассмотрения при подготовке раздела: ст.5, ст. 7-10.

Содержание

Введение	4
18.1. Информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью	22
18.2. Информация, способная вызвать у детей желание употребить психоактивные вещества, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством	25
18.3. Информация, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным	27
18.4. Информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи	36
18.5. Информация, оправдывающая противоправное поведение	37
18.6. Информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику	37
18.7. Информация, содержащая детскую порнографию	45
18.8. Изображение (описание) жестокости	46
18.9. Изображение (описание) насилия	47
18.10. Информационная продукция, содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани	48
18.11. Пропаганда насилия и жестокости	53
18.12. Пропаганда антиобщественных и противоправных действий	53
18.13. Пропаганда преступлений	54
Список литературы	55

Введение

Анализ основных понятий, используемых в Федеральном законе от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ, позволяет очертить их основное содержание, соотнести их с конкретными, практическими примерами, обосновать границы их применимости и описать их вариативность.

Однозначно определить, как та или иная информация повлияет на эмоциональное состояние, поведение, установки, психическое и физическое развитие и здоровье ребенка, практически невыполнимая задача. Многочисленные факторы разного уровня и порядка стоят на пути между самой по себе информацией и ее воздействием на конкретного человека. Тем не менее, для проведения экспертизы информационной продукции, конечной целью которой является защита здоровья и жизни подрастающего поколения, необходимо попытаться прийти к общему мнению относительно того, какая информация является нежелательной и опасной для детей и подростков.

1) **Особенности субъекта.** Одна и та же информация может повлиять по-разному на состояние разных людей, как взрослых, так и детей. Информация, вызывающая у одного человека ужас или отвращение, у другого может вызвать смех или любопытство. Достаточно вспомнить, как по-разному люди реагируют на фильмы ужасов. Особенности восприятия информации обусловлены самыми разными факторами: наличием эмоциональным состоянием, типом нервной системы, особенностями психики, взаимосвязи информации и личного опыта, контекстом, жанром информационной продукции. В то же время, в том, что касается детей и подростков, специфика восприятия информации может быть во многом определена и конкретным возрастным этапом развития.

2) **Особенности информации.** Побудительное воздействие на человека, приводя к совершению действий, в том числе, приводящих к угрозе его жизни и здоровью. Как содержание информации, так и ее внешние

характеристики могут оказывать влияние на эмоциональное состояние, поведение и развитие детей и подростков. Согласно Модели информации - мотивации - поведенческих навыков (information-motivation-behavioral skills model, Fisher, Fisher; 1992, Fisher, Fisher, 2003), информация является одним из компонентов, который лежит в основе поведения, связанного с риском для здоровья, наряду с мотивацией и навыками. В соответствии с этой моделью, информация, которой обладает человек, а также и личностная социальная мотивация влияют на поведение опосредствовано. Содержание представленной информации определяет поведение лишь в той мере, в которой способствует формированию мотивации и навыков. Безусловно, информация может оказать не только негативное, но и позитивное влияние на поведение. Применимость данной модели к объяснению и предсказанию поведения, связанного со здоровьем, обоснована большим количеством эмпирических исследований, в первую очередь, в отношении профилактики ВИЧ-инфекций, безопасного вождения и регулярного медицинского осмотра (Kiene et al., 2013; Walsh et al., 2011).

Можно выделить следующие критерии, определяющие побудительную силу информации в отношении поведения человека:

- во-первых, информация должна субъективно восприниматься как достоверная;
- во-вторых, она должна указывать на преимущество некоторых действий для данного человека, акцентировать внимание на их положительных последствиях;
- в-третьих, мотивирующей силой обладают актуализация или формирование социальных стереотипов, социальных норм, связанных с данным поведением;
- в-четвертых, информация должна указывать на конкретные способы совершения соответствующих действий, формировать уверенность в

собственных способностях достичь поставленных целей (самоэффективность), а также способствовать формированию привычного поведения.

Приведенная классификация соответствует основным концепциям, объясняющим вредное для здоровья и связанное со здоровьем поведение (Armitage, Conner, 2000). Побудительная составляющая информации традиционно рассматривается в психологии в рамках так называемых моделей континуума, куда относятся, в частности, модель убеждений о здоровье А. Розенстока (Rosenstock, 1974), теория мотивации защиты Р. Роджерса (Rogers, 1983), теория запланированного поведения А. Айзена и М. Фишбайна (Ajzen, 1991), социально-когнитивная теория А. Бандуры (Bandura, 1986), теорией субъективной ожидаемой полезности В. Эдвардса (Edwards, 1954). Ключевые переменные в большинстве моделей такого рода (Weinstein, 1993): воспринимаемые отрицательные последствия текущего поведения (и желание избежать их; в разных моделях используются термины воспринимаемая тяжесть, отрицательная полезность, оценка угрозы), воспринимаемая вероятность этих последствий (в разных моделях - уязвимость, ожидания), ожидания, что действия человека приведут к улучшению ситуации (в разных моделях - ожидаемая выгода как разность между вероятностью негативных последствий при изменении поведения и отказе от изменений, воспринимаемая эффективность нового поведения), затраты на изменение поведения и осуществление нового поведения (в разных моделях - воспринимаемые барьеры, самоэффективность, потеря внешних и внутренних выгод от текущего поведения, ценность и вероятность "побочных" последствий текущего и нового поведения, не связанных напрямую со здоровьем). Первые три конструкта - субъективные тяжесть, вероятность и эффективность относятся оценке риска и способствуют формированию мотивации к изменению поведения, тогда как четвертый обеспечивает переход от мотивации к действиям. При этом разные модели

различаются в том какие дополнительные факторы в рамках уже названных они предлагают выделять и оценивать: самооффективность, социальные нормы и т.п.

Характерный пример интегративной модели предсказания поведения, основанный на моделях континуума в психологии здоровья (Fishbein, Yzer, 2003) приведен в схематическом изображении на рис. 1. Согласно этой модели, информация может рассматриваться как побуждающая к определенному поведению в том случае, если она способствует формированию определенных установок, социальных норм, самооффективности или навыков в отношении определенного поведения.

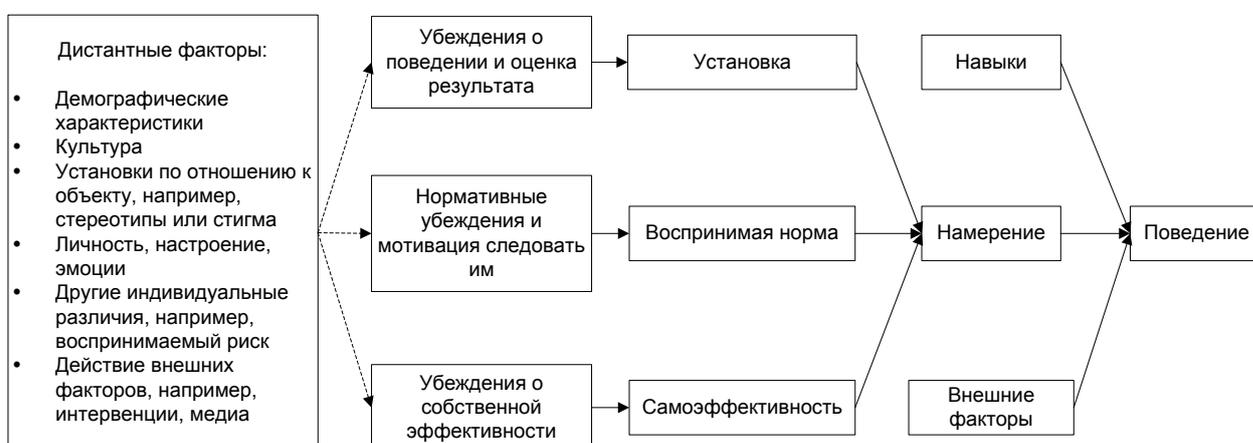

Рис.1. Интегративная модель предсказания поведения М. Фишбайна [Источник: Fishbein, Yzer, 2003, p. 167].

Дальнейшее развитие моделей объяснения поведения в психологии здоровья и клинической психологии (Рассказова, 2012) привело к указанию на недостаточность учета лишь мотивационной сферы в объяснении побудительной силы информации. В соответствии с этими моделями - моделями стадий и моделями саморегуляции, *побудительными* следует считать не только те особенности информации, которые приводят к изменениям в мотивационной сфере, но и те, которые актуализируют / провоцируют уже имеющиеся социальные представления (Gibbons et al., 2003; Pechmann, 2001), способствуют конкретизации целей и развитию инструментальных намерений (Gollwitzer, 1993; Gollwitzer, Sheeran, 2006,

Sniehatta, 2009), формированию привычного поведения (Ouellette, Wood, 1998).

Субъективная достоверность и способность к анализу информации. В психологии телесности было показано (Тхостов, 2002), что обоснование достоверности информации использованием технических средств априори субъективно воспринимается как верное и понятное. В этом смысле все большее распространение приобретает понимание информационных технологий как психотехнологий, т.е. определяющих психические процессы и отношения людей (Schimmenti, Caretti, 2010). Ключевым механизмом является актуализация магического мышления (Субботский, 2007) в соответствии с принципами, получившими широкую известность в культурологических исследованиях (Фрэнгер, 2006). При этом склонность руководствоваться в выборе поведения принципами магического мышления более у детей и подростков более выражена, нежели у взрослых (Субботский, 2007). Как следствие, апелляция к "известности", "понятности" и размещение на широко распространенных ресурсах могут способствовать восприятию информации детьми и подростками как достоверной и "само собой разумеющейся".

К особенностям информационных технологий, провоцирующих их притягательность и некритичное к ним отношение, относят указание на получение немедленной и краткосрочной награды при долгосрочно негативных последствиях (Griffiths, 2005), интерактивность, гипертекстуальность и обеспечение связи, которые предоставляются новыми технологиями (Schimmenti, Caretti, 2010), что приводит к изменениям в наших представлениях, способах общения, поиска и использования информации. Ключевые свойства психотехнологий открывают множество позитивных возможностей: взаимодействие между представителями разных культур, полов, рас, независимо от времени и местонахождения, поддержание культуры и демократии за счет распространения информации и

искусства, поиск нового и креативная "игра" с реальностью, пробование себя в различных ролях. Новые возможности открываются и в общении (Madell, Muncer, 2007) - при помощи Интернета и мобильной связи люди получают большие возможности контроля: они могут выбрать, общаться в реальном времени или приостановить разговор, подумать над ответом, сократить нежелательный или неприятный разговор до минимума, активно участвовать в некой ситуации или отвлечься от нее социально приемлемым способом. Все эти особенности дают людям ощущение контроля за процессом и результатом общения, которое субъективно значительно "перевешивает" такие недостатки как недостаток глубины общения, возможность быть неправильно понятым. Другие негативные последствия этого - нарушения реального круга общения, чрезмерная доступность и зависимость от технологий вообще редко осознаются и признаются людьми (Thomee et al., 2011).

Важнейшим фактором, влияющим на субъективную достоверность информации, является способность к критичному к ней отношению и анализу. В отчете отдела политики и планирования Американской психологической ассоциации 2008 года (How technology..., 2009) указывается, что важно различать информацию (широкий набор фактов) и знания (результат рефлексии и когнитивной переработки, интеграции и оценки): в технологиях очень много первого и нередко слишком мало второго. Опасность состоит в восприятии технологии не как инструмента, источника сырого материала, а как содержания и конечного продукта учебного процесса. У детей и подростков информационные технологии (в том числе благодаря их интерактивности, яркости) провоцируют "информационный", некритичный подход к материалу, который во многих случаях подменяет истинную заинтересованность в процессе обучения ожиданием развлечения. В результате человек вовлечен в процесс - но не выносит из него чего-либо нового, поскольку приобретение знаний и

изменение требует длительной концентрации внимания, произвольных усилий по переработке и синтезу информации.

Таким образом, предъявление информации детям и подросткам при помощи информационных технологий само по себе провоцирует не критичное отношение к этой информации. Усиливающим эффектом обладают такие свойства информации как апелляция к основным принципам магического мышления - известности, понятности, очевидности, рассуждениям по принципу аналогий и кажущейся причинности (например, если два события произошли одно за другим, первое является причиной второго).

Буферным эффектом, препятствующим вредному для здоровья поведению, обладает информация, указывающая на источники различной альтернативной информации, побуждающая к самостоятельному поиску и критичной позиции, объясняющая, что единственная точка зрения на проблему невозможна.

Формирование установок и указание на положительные последствия совершения действия. Согласно исследованиям в психологии здоровья, формирование установки по отношению к соответствующему поведению (по типу "это хорошо" или "это плохо" для меня) является ключевым фактором, определяющим действия человека (Ajzen, 1991). Лучшему формированию установок способствует такая информация, в которой указываются положительные последствия некоторых действий, обрисовывается образ положительного героя, демонстрируются его успехи при выборе рекомендуемых действий, при этом образ обладает притягательными для детей и подростков чертами. Характерным примером является применение так называемой методологии М. Сабидо (Barker, 2005), успешно использовавшейся при создании обучающих и профилактических мелодрам в странах Южной Америки, особенно в отношении подростков. В сериалах М. Сабидо ключевой особенностью являлось задание характеров главных

героев, с учетом их психологического, демографического и социоэкономического портрета. В эпизодах негативный персонаж мешает нейтральному изменить свое поведение к лучшему, а положительный – неустанно помогает и мотивирует нейтральный персонаж. Персонажи, которые поддерживают просоциальное поведение, должны иметь достаточно высокий социальный статус. Отрицательные герои должны проявлять черты и стереотипы, которые будут ассоциироваться у аудитории с антисоциальными группами – например, ворами и бандитами. Нейтральный герой максимально соответствует образу целевой аудитории; обычно сомневающийся и занимает промежуточное положение – скажем, неуверенный подросток, который подвергается давлению со стороны ровесников.

Указание на положительные последствия для данного человека (ребенка, подростка) некоторых действий также обладает мотивирующим (побуждающим) эффектом. При этом особенно важным является учет соотношения "выгод" и "затрат", указанных в информации (Griffiths, 2000), а также их распределение во времени. Как показывают исследования в русле теории темпоральной саморегуляции поведения (Hall, Fong, 2007, 2010), дезадаптивное в долгосрочной перспективе поведение часто очень выгодно "здесь и сейчас", если оценивать соотношение между субъективными затратами, краткосрочными негативными последствиями и получаемыми выгодами / преимуществами. Например, во многих исследованиях показано, что физическая активность крайне полезна для здоровья, внешнего вида и психологического благополучия - но ни одна из этих "выгод" не появляется во время или сразу после физической активности, тогда как затраты времени, волевых усилий нужны немедленно. Это означает, что внимание к долгосрочным последствиям своих действий должно способствовать поведению, связанному со здоровьем, а внимание к краткосрочным последствиям - демотивировать человека. Ребенок и подросток наиболее

уязвимы к такого рода воздействиям ввиду непростроенности временной перспективы и неготовности ожидать длительное время. Так, в ставших классическими исследованиях феномена "отсроченного вознаграждения" у детей, проводившихся под руководством У. Мишела (Mischel et al., 1989), было показано, что способность отказываться от сиюминутной выгоды в пользу более привлекательной, но отсроченной по времени награды зависит от когнитивных стратегий, которые используют дети, и может быть улучшена - например, если детям предлагали сосредоточиться на тех свойствах сиюминутной награды, которые не представляли для них интереса, или мысленно "нарисовать" рамку и фон вокруг нее. Однако, как было показано в ресурсной модели саморегуляции (например, Muraven et al., 1998), дополнительные волевые усилия, улучшая регуляцию в данный момент, приводят к ослаблению способности к саморегуляции в последующих заданиях.

В социальной психологии описано два пути манипуляции социальными представлениями с целью изменения поведения. Первый из них - формирование социальных норм в отношении этого поведения. Выделяют описательные и оценочные нормы (Manning, 2009). Оценочные нормы выражают социальное давление - это субъективная оценка того, какого поведения от меня ждут и хотят окружающие люди. Описательные нормы основываются на наблюдении за поведением других людей и представлениях об их поведении. Хотя традиционно (в теории запланированного поведения) социальные нормы изначально понимались как оценочные (Ajzen, 1991), эмпирические исследования показывают, что описательные нормы могут быть не менее важны для предсказания поведения (Manning, 2009). Более того, если в исходной модели социальные нормы влияют на поведение косвенно - через формирование намерения - в недавних работах высказываются предположения о возможности прямого влияния воспринимаемых норм. Так, намерения человек высказывает гипотетически,

тогда как его поведение при столкновении с реальной ситуацией может быть иным - и зависеть, в частности, от того, что он видит и думает об окружающих. По результатам мета-анализа эмпирических исследований, описательные нормы в большей степени предсказывают поведение, нежели оценочные, причем для них характерно и прямое, и косвенное (через интенции) влияние на поведение. Прямое влияние описательных норм усиливается, если речь идет о поведении, которое не одобряется обществом, связано с социальными мотивами (например, общения с друзьями) и приятно, в отличие от необходимого и важного, а также если намерение человек сформулировал давно. Это именно те признаки (Webb, Sheeran, 2006), при наличии которых эффект осознанного намерения на поведение снижается. Оценочные нормы сказывались на поведении сильнее (имеется в виду общее влияние - и прямое, и косвенное), если поведение было социально неодобряемым, тогда как остальные эффекты (в отношении приятности/полезности поведения и социальных мотивов) были нестабильны. Другие авторы (Armitage, Conner, 2000) на основе как качественных, так и мета-аналитических данных говорят о важности учета моральных норм, под которыми понимается, в отличие от норм социальных, личностное переживание того, что некоторое поведение нужно выполнить (или, напротив, избежать его).

Второй путь манипуляции социальными представлениями с целью изменения поведения опирается на так называемые модели актуализации стереотипов, или модели прайминга (stereotype priming models, Pechmann, 2001). Теоретическая идея, стоящая за моделями прайминга, заключается в том, что поведение зависит не столько от выраженности тех или иных факторов (например, установок), сколько от силы связи (ассоциации) между этими факторами и намерениями, а также намерениями и поведением (Fishbein, Yzer, 2003). Вероятность, что человек будет действовать определенным образом выше, если предыдущая информация актуализирует у

него положительные представления, связанные с этими действиями (например, такую функцию может выполнять образ успешного курильщика, описание правонарушителя как сильного и смелого). В отличие от социальных норм, прайминг основывается на уже существующих в культуре и обществе образах и действует неосознанно, автоматически (Pechmann, 2001). Это означает, что сама ассоциация может не иметь под собой никаких оснований и быть иррациональной (например, курение - успех у противоположного пола). Результаты эмпирических исследований свидетельствуют в пользу влияния прайминга социальных стереотипов на поведение, связанное со здоровьем. Так, актуализация негативного стереотипа в отношении курения у подростков (при помощи рекламы) приводила к более негативной последующей оценке человека, о котором было известно, что он курит, более негативному общему отношению к курящим и меньшей готовности начать курить, хотя сами подростки этой связи не осознавали (Pechmann, 2001). В одной из работ сравнивалось влияние на подростков семи разных сообщений, направленных на профилактику курения, в которых основной акцент делался на восприятие угрозы и риска: в одном случае говорилось о проблемах со здоровьем в долгосрочной перспективе, в другом - об опасностях пассивного курения в семье, в третьем - об ответственности маркетинговых кампаний по продаже сигарет за жизнь и здоровье людей, в четвертом - об ухудшении внешнего вида при курении, в пятом акцентировались как социальные трудности, так и долгосрочные проблемы со здоровьем, в шестом - обращалось внимание на опасность рекламы сигарет, в седьмом - на стратегии совладания и отказа от курения. Согласно же модели актуализации стереотипов, эффективны должны быть только те сообщения, в которых указывается на негативные последствия курения для других людей или показывается, как другие люди отказываются от курения. Результаты показали, что хотя многие сообщения приводили к усилению воспринимаемой угрозы, лишь три сообщения влияли

на намерения подростков, связанные с курением, и все три содержали указание на негативные стереотипы курильщика.

Таким образом, побудительная сила информации в отношении поведения, рискованного для здоровья, во многом определяется апелляцией к существующим или формированием новых социальных норм и стереотипов. Она выше в том случае, если в информации содержится описание поведения других людей или - хотя этот фактор влияет в меньшей степени - указание на социальные ожидания и требования. Кроме того, к вредному для здоровья поведению мотивирует информация, ассоциативно связывающая поведение с положительными, притягательными для ребенка и подростка чертами, успехом. У детей и подростков влияние социальных представлений на поведение выражено в большей степени, нежели у взрослых, особенно это касается использования прайминга. Во-первых, понимание социальных норм и стереотипов формируется с возрастом, что делает детей более уязвимыми к некритичному принятию социальных представлений. Во-вторых, рефлексивные процессы также формируются в процессе развития ребенка, что не дает возможность ребенку критично отнестись к ассоциативным связям, предлагаемым в медиа-образах и сообщениях, например, рассуждая, каким образом и по каким причинам курение может быть связано с успехом у противоположного пола. В-третьих, в подростковом возрасте межличностное общение становится ведущей деятельностью - и сообщения, апеллирующие к мнению и ожиданию других подростков субъективно могут восприниматься как более важные, нежели знаемые ожидания и представления близких.

Использование информационных технологий приводит к дополнительному усилению влияния социальных норм и стереотипов на поведение человека. Информационные технологии приводят к трансформации психологических "границ" человека, формируя иллюзию контролируемости и достижимости людей и событий (Емелин и соавт., 2012), а также переживание доступа к событиям всемирного масштаба и личной

причастности к процессам глобализации (Тхостов, Емелин, 2010). В социологических исследованиях описаны изменения в структуре, организации и эффективности социальных движений, связанные с развитием информационных технологий (Рейнгольд, 2006). Как следствие, информация, переданная при помощи телевидения или интернета, рассматривается как более глобальная, социально признанная и "действенная", нежели информация, полученная при межличностном общении. Акцент на информации, в отличие от знаний (How technology..., 2009) усиливает эффекты прайминга за счет снижения критичности к тому, насколько обоснованными являются актуализируемые стереотипы и ассоциации.

К числу социальных факторов, определяющих рискованное для здоровья поведения, в недавних работах относят побуждение к другому содержательно близкому поведению. Согласно эмпирическим данным (Lippke et al., 2012), можно четко выделить два типа связанного со здоровьем поведения: поведения по улучшению здоровья (health-promoting) и поведения риска (health-risk). Разное поведение в рамках одного типа связано между собой, но практически не связано с поведением другого типа: например, тот, кто ведет активный образ жизни, чаще старается придерживаться здорового питания (улучшающее здоровье поведение), но ни склонность к активному образу жизни, ни склонность к правильному питанию не связаны с курением (поведение риска). На практике это означает, что побуждение к некоторому рискованному поведению может провоцировать связанные с ним другие формы поведения. Например, распространение в сети Интернет так называемых "аудионаркотиков" (цифровых файлов, которые, как считается, могут оказывать психоактивное действие) потенциально может способствовать формированию намерения попробовать собственно психоактивные вещества.

Характеристики информации, способствующие целедостижению и формированию привычного поведения.

Можно выделить несколько ключевых характеристик информации, способствующих переходу от намерения к рискованному для здоровья поведению к конкретным действиям, их повторению и формированию привычного поведения.

Во-первых, если поведение требует саморегуляции и сложной системы действий, успешный переход от намерения к действию требует планирования действия и планирования совладания с возникающими трудностями. В эмпирических исследованиях было показано, что эмоциональное состояние способствует долгосрочным изменениям в поведении только в том случае, если сопряжено с разработкой конкретного плана действий (Leventhal et al., 2003). Поддержание начатых действий перед лицом отвлекающих факторов и затруднений определяется планированием совладания - тем, насколько человек может предвосхищать будущие трудности и планировать способы их преодоления (Schwarzer, 1992). В клинических исследованиях в области реабилитации было показано, что успешное изменение поведения связано и спланированием действия, и с планированием совладания, причем помощь разных типов эффективна в разные периоды времени (Schwarzer et al., 2008): через две недели важно только планирование действия, планирование копинга начинает играть роль через четыре недели и его эффект долгосрочен (через 26 недель). Другой фактор, определяющий успешный переход от намерения к действиям, был предложен П. Голльвитцером под названием инструментальных намерений. Инструментальные намерения (Gollwitzer, 1993) - результат конкретизации намерений человека в форме "Если... то..." ("Я сделаю X, как только возникнет ситуация Y" в отличие от простого "Я сделаю X"), описывающий где, когда и каким образом будет осуществлено запланированное действие (например, "Когда я встану утром, я сделаю двадцать отжиманий"). Действие инструментальных намерений автоматическое: оно зависит от исходной цели - необходимо, чтобы для человека было важно ее достичь, - но не зависит от социально-когнитивных

факторов (Sniehotta, 2009). Согласно эмпирическим исследованиям как в общей психологии, так и в психологии здоровья как спонтанное формулирование инструментальных намерений, так и формирование инструментальных намерений в эксперименте, предсказывает более успешный переход от намерения к поведению - в том числе, поведению, связанному со здоровьем (по: Armitage, Conner, 2000). Например, согласно результатам мета-анализа (Gollwitzer, Sheeran, 2006), эффект инструментальных намерений в отношении разных видов поведения d Коэна составляет 0,65, и эффективность была подтверждена на моделях отказа от курения, соблюдения диеты, повышения физической активности, снижения веса, прохождения скрининга на наличие рака, ограничения чрезмерного употребления алкоголя (по: Armitage, 2009, Mann et al., 2012). Таким образом, содержание в информации указаний на конкретный план действий, побуждение к планированию времени начала и условий, в которых эти действия будут выполнены, обсуждение потенциальных трудностей и способов их преодоления - факторы, усиливающие вероятность перехода от намерения к действиям.

Во-вторых, как начало поведения, так и его поддержание в течение продолжительного времени тесно связаны с переживанием самооффективности. Понятие самооффективности было предложено в социально-когнитивной теории А.Бандуры и затем получило широкое распространение в психологии здоровья в целом. Под самооффективностью понимается уверенность человека в своих способностях осуществить некоторое поведение (Bandura, 1986). В более поздних исследованиях была предложена классификация видов самооффективности по тому, на каком этапе саморегуляции поведения их влияние наиболее значительно (Schwarzer, 1992). Самооффективность действия ("Я смогу начать/осуществить поведение", в некоторых работах называется также мотивационной самооффективностью и самооффективностью "до действия")

важна для формирования намерения, самоэффективность поддержания ("Я смогу поддерживать поведение в течение длительного времени, справляясь с возникающими трудностями", иногда называется самоэффективностью совладания) важна для планирования и формирования инструментальных намерений, тогда как самоэффективность возобновления ("Даже если что-то мне помешает или я на время прервусь, я смогу снова вернуться к поведению") играет ключевую роль в обеспечении поддержания и возобновления действия. Причину самоэффективности возобновления автор видит в склонности приписывать неудачу внешним, ситуативным и конкретным причинам, что дает человеку силы и уверенность вернуться к прежним действиям. На настоящий момент накоплен большой массив эмпирических данных, указывающих на важнейшую роль самоэффективности в инициации и поддержании поведения (Schwarzer, 2008): данные о том, что разные виды самоэффективности важны на разных фазах саморегуляции, были получены в исследованиях физической активности, соблюдения диеты и регулярной флюорографии, в том числе, у подростков.

Таким образом, к осуществлению некоторого поведения провоцирует информация, указывающая на "простоту" поведения, легкость обучения, достижимость целей, а также формирующая у ребенка и подростка представление, что он в силах справиться и достичь желаемого. У подростков и молодых людей самоэффективность является одним из ключевых факторов как формирования намерения, так и перехода к действиям (Renner et al., 2007, Schwarzer, Luszczynska, 2008): намерение у них зависит в большей мере от самоэффективности, и в меньшей - от восприятия риска и ожидания результатов.

В-третьих, поддержание некоторого поведения обеспечивается получением обратной связи от окружающих. Согласно исследованиям связанного со здоровьем поведения в рамках теории саморегуляции

М.Карвера и Ч.Шейера (Scheier, Carver, 2003), механизм обратной связи позволяет сопоставить цели и результаты поведения, создавая эмоциональные переживания и способствуя продолжению деятельности. Обратная связь корректирует ожидания и представления человека, которые, в свою очередь, определяют его переживания и выбор в трудных ситуациях: если он чувствует себя уверенно, то продолжает добиваться цели, несмотря на трудности, если нет - прекращает попытки. Важность обратной связи была подтверждена в исследованиях психологических факторов физической активности, а также на примере принятия лекарств пациентами (de Bruin et al., 2012). В целом, в этих исследованиях намерения предсказывали 25-30% разнообразия (дисперсии) в поведении испытуемых, связанном со здоровьем, а учет контуров обратной связи добавлял к этому предсказанию еще 6-11%. Информационные технологии предоставляют практически безграничные возможности для обсуждения и получения обратной связи благодаря их интерактивности и обеспечению постоянной связи с другими людьми (Schimmenti, Caretti, 2010). При этом наличие форумов и сообществ в социальных сетях, посвященных обсуждению опыта некоторого поведения, связанного со здоровьем, обладает неоднозначными следствиями. С одной стороны, если в них представлены альтернативные точки зрения и разнообразный опыт, они способствуют формированию критической, собственной позиции. С другой стороны, если они предоставляют информацию об успешном поведении, вредном для здоровья, интерактивность и возможность получить обратную связь будут способствовать усилению побуждающей силы такого рода информации.

В-четвертых, среди ключевых факторов, определяющих поведение человека, выделяют так называемую поведенческую готовность (Hall, Fong, 2007). Поведенческую готовность определяют как любой поведенческий ответ, в том числе рефлексивное действие, у которого есть приоритет к выполнению по сравнению с любым другим возможным для данного

организма ответом. У человека поведенческая доминанта зависит от биологических потребностей (голод, жажда и т.п.), значимых стимулов окружающей среды и прошлого поведения. Например, стрессовая ситуация на работе для курильщика вызывает стремление закурить, особенно если выкуривание сигареты в прошлом приводило к облегчению. Иными словами, поведенческая доминанта создает сценарий "поведения по умолчанию" - и курильщику придется прикладывать дополнительные волевые усилия для преодоления уже сформированных стремлений, а также обращать специальное внимание на то, чтобы не закурить "на автомате", без участия процессов целенаправленного выбора. Более того, как лабораторные, так и полевые исследования неоднократно показывали, что внешние стимулы (например, пепельница на столе, забытая пачка сигарет) также могут "запускать" автоматическое поведение. Центральная составляющая поведенческой готовности - формирование привычки. Если человек совершает одни и те же действия часто в стабильных условиях, привычка сама по себе позволяет контролировать эти действия (так называемый привычный контроль, *habitual control*) - и поведение значительно сильнее зависит от привычки, чем от намерений. Результаты мета-анализа исследований привычного поведения (Ouellette, Wood, 1998) подтверждают эту идею: связь намерения и поведения значительно сильнее, если человек делает что-то нерегулярно в изменяющихся условиях и снижается по мере того, как поведение становится привычным и стабильным. В исследовании физической активности молодых людей в течение 14 дней (Conroy et al., 2013) при помощи субъективных и объективных (актиграфических) методов было показано, что и намерение, и привычное поведение независимо сказываются на сидячем образе жизни. Таким образом, поддержанию поведения способствует информация, в которой указывается важность регулярного повторения действий, предлагается использовать внешние стимулы для "напоминания" себе об этом поведении.

Следует отметить, что все факторы, способствующие целедостижению и формированию привычного поведения, приобретают важное значение только в том случае, когда есть так называемый "разрыв" между намерением и действием. В целом, по данным психологии здоровья, такой "разрыв" встречается часто: так, в одной из работ (Sheeran, 2002) было проведено обобщение 10 мета-анализов - результаты 422 работ, включающих более 82000 испытуемых, - согласно полученным данным, корреляция между намерением и поведением, связанным со здоровьем, составляет 0,53 - или, другими словами, намерение объясняет 28% разнообразия (дисперсии в поведении). Иными словами, мотивационные факторы не позволяют точно предсказать поведение. "Разрыв" выражен в большей степени, если речь идет о сложном поведении, состоящим из серии действий и требующем волевых усилий. Значительно менее важны эти факторы, если речь идет о побуждении к более простым действиям, например, употреблению алкоголя или прохождению медицинского обследования (Cooke, French, 2008). Поэтому при анализе информации необходимо учитывать содержательные особенности того поведения, к которое ей провоцируется.

18.1. Информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью

Под информацией, побуждающей детей и подростков к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, понимается информация, толкающая детей и подростков на аутоагрессию и причинение себе вреда посредством:

- 1) нанесения себя увечий,
- 2) отказа от нормального удовлетворения жизненно важных физиологических потребностей (приема пищи, жидкости),
- 3) совершение поступков, связанных с высоким риском для жизни и здоровья и

4) лишения себя жизни (самоубийство).

В проведенных в рамках естественного эксперимента психологических исследованиях Филиппса (Phillips, 1974; 1979; 1986) было показано, что распространение в СМИ информации об аутоагрессивном поведении личностей, пользовавшихся популярностью у широкой аудитории, статистически значимо увеличивает распространенность такого поведения. Так после смерти Мерилин Монро в августе 1962 года, рост самоубийств в США превысил ожидаемый порог на 12%.

С появлением и распространением интернета и мобильных средств связи, в жизнь детей и подростков ворвалось огромное число новых опасностей, о которых раньше сложно было даже подумать. С каждым годом появляются все новые и новые феномены, ставящие под угрозу здоровье, развитие и жизнь детей и подростков киберпедофилия, кибербуллинг, киберсуицид, секстинг. Наряду с незаменимым средством поиска позитивной и полезной для развития информации, интернет стал средством, пропагандирующим опасное поведение и предоставляющим детям информацию, калечащую их психику.

Такая пропаганда, например, исходит от сайтов, которые поощряют среди детей и особенно подростков определенные формы опасного поведения – суициды, нарушения пищевого поведения и использование психоактивных препаратов. Хотя их число и ограничено, но они очень легкодоступны. Среди них существуют, например, такие, которые пропагандируя суицид и подробно объясняют наиболее эффективные способы его совершения (Rescigno et al., 2008).

Проведен ряд исследований, в которых выявлено влияние интернета на совершение суицидальных попыток (Birbal et al., 2009). Наличие интернета привело к новой форме суицидального поведения – киберсуициду. Киберсуицид – это пакт, составленный в интернете между двумя пользователями, которые вступают в виртуальный чат до того как

встретиться в реальности и совершить совместный суицидальный акт (Alao et al., 2006). Данная практика на сегодняшний день особенно распространена в Японии (Naito, 2007). Такой диадический вид суицида, в совершении которого возможность коммуникации в интернете играет критическую роль, требует детального и безотлагательного изучения психиатрами и психологами для разработки превентивных мер.

Пропаганда аутоагрессии в интернете может принимать и другие формы. Например, существует огромное количество сайтов, известных как взрослым так и, особенно, девочкам-подросткам восхваляющих психическую анорексию – так называемые проанарексические сайты. При этом нет никаких предупреждений перед тем, как зайти на такой сайт – доступен прямой доступ с поисковика, без переходной страницы (Norris et al., 2006). Ряд таких сайтов предоставляет информацию о том, как добиться результата с помощью слабительных средств или принятия гормонов-тироидов. Другие сайты предлагают информацию о том, как избежать медицинского вмешательства и "жульничать" при взвешивании. Спрос на такие сайты среди девушек-подростков чрезвычайно высок. Пациентки-анорексички постоянно пользуются предлагаемыми на сайтах советами.

Поиск подростками сексуальных партнеров в Интернете приводит к возрастанию уровня инфекционных заболеваний, передаваемых сексуальным путем в реальной жизни (McFarlane, Bull, Rietmeijer, 2000), стирая границы между виртуальным миром и реальной жизнью.

Еще одна реальная опасность, угрожающая психическому и физическому здоровью детей и подростков, а порой и их жизни, связанная с интернетом, это киберкриминальная педофилия и сексуальное соблазнение детей взрослыми, которые могут скрывать свой возраст и намерения (McGrath, Casey, 2002).

Важный аспект информации, определяющий ее побудительную силу в отношении поведения человека это ее направленность на актуализацию или

формирование социальных стереотипов и норм. Согласно модели прототипа - готовности (prototype - willingness model, Gibbons et al., 2003), если поведение, улучшающее здоровье, зависит от намерений человека, то поведение риска больше связано с действием других факторов - социально-психологических. Согласно данной модели, поведение, связанное со здоровьем, только в том случае зависит исключительно от мотивационных характеристик (установок, намерений и т.д.), если это защитное поведение, позволяющее избежать чего-либо - физические упражнения или диспансеризация.

Если же речь идет о рискованном поведении, для которого важен социальный контекст (курение, прием наркотиков), то для него социальные реакции значительно более важны, нежели запланированные действия. Поведенческая готовность, созданная влиянием ситуации, может "перевешивать" любые благие намерения, возникшие в результате установок, социальных норм и прошлого поведения, и определяется прототипом - социальным образом человека, вовлеченного в рискованное поведение (например, "курить - мужественно"). Эмпирические исследования подтверждают модель прототипа - готовности: так, поведенческая готовность часто лучше предсказывает рискованное для здоровья поведение, нежели намерения, особенно среди молодых людей и людей, не имеющих достаточного опыта в какой-то области (см. Webb, Sheeran, 2010). Более того, успешность интервенции, направленной против употребления алкоголя подростками 10-12 лет, объяснялась их влиянием на поведенческую готовность, а не на намерения.

18.2. Информация, способная вызвать у детей желание употребить психоактивные вещества, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством представляет собой *сообщения прямые и косвенные* о соответствующих действиях или их следствиях, *не обрамленные точным описанием всех*

реальных возможных последствий совершения таких действий («чем это закончилось») и объяснениями соответствующих мотиваций (например, демонстрация опасных прыжков, трюков без объяснения опасности этих действий даже для специально подготовленных взрослых людей). Это также информация, представляющая собой *изображение* соответствующих действий в различного рода привлекательных для детей формах, внутри завязывающейся интриги, или иных определенных позитивных мотиваций и без объяснения и реалистического описания всех возможных последствий такого рода действий или соответствующего образа размышлений. К косвенным, неявным сообщениям относится такое сообщение, которое открывает в мотивации ребенка возможность соответствующего действия, хотя на явном уровне сообщения это не проговаривается (персонажу можно, значит и мне тоже).

18.2.1. Информация, способная вызвать у детей желание употребить психоактивные вещества, также представляет собой прямые или косвенные сообщения, изображение легкого способа изменить настроение, уйти от проблем в отношениях с другими людьми, повлиять на актуализацию позитивного самочувствия и чувства уверенности в себе, создать представление о прибавлении сил, выносливости, храбрости, геройских поступках, совершаемых под воздействием этих веществ и пр. без сопровождения *точного описания всех реальных возможных последствий совершения таких действий («чем это закончилось») и объяснений соответствующих мотиваций*.

18.2.2. Информация, способная вызвать у детей желание принять участие в азартных играх, представляет собой сообщения прямые или косвенные, а также позитивное изображение азартных игр (игрового азарта, привлекательной атмосферы игры, способности выиграть крупные призы быстро и в короткий срок, изображение игровой находчивости, опора на мотивацию «быть самым умным», перехитрить и пр.).

18.2.3. Информация, способная вызвать у детей желание заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, – информация, дающаяся в виде прямого или косвенного сообщения, комментария, демонстрации соответствующих действий или их желаний, образа мысли, обосновывающих и мотивирующих, либо оправдывающих соответствующие действия, более или менее позитивные изображения этих действий, без привлечения информации о характерном финале этих действий, направленной на формирование сдерживающей мотивации перед совершением такого рода действий. Желание заниматься проституцией или попрошайничеством может быть актуализировано при более или менее позитивном изображении проституции, попрошайничества как образа жизни, привлекательного, допустимого, эпатажно-вызывающего, игрового, приводящего к быстрому получению желаемого, связанного со свободой, со способами различного манипулирования другими людьми и пр., с опорой на ценность успеха и комфортной жизни.

Желание бродяжничать может актуализироваться после информации, дающейся в виде сообщения, демонстрации соответствующих действий или же их желаний, а также открытой или скрытой, неявной пропаганды против завышенных требований и притеснений родителей, других взрослых, требований школы, давления общественных норм.

18.3. Информация, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным – информация, содержащаяся в разнообразных продуктах СМИ (постановочные, непостановочные), содержание которой описывает жестокость и насилие (см. ниже) и признает целесообразным проявления жестокости и насилия по отношению к внешним объектам, а также осознанно или неосознанно способная побудить потребителя продукции к осуществлению насилия по отношению к внешним объектам.

Данные научной психологической литературы и публицистики (Берковиц, 2007) убедительно доказывают, что демонстрация через СМИ (преимущественно коммерческого) актов насилия и иных проявлений жестокости очевидно негативно влияет на людей с неустойчивой психикой (в том числе с психическими заболеваниями) и детей, психика которых находится на этапе активного развития. Показана статистически значимая связь между демонстрацией СМИ насилия (информационные передачи и преступления) и ростом насилия среди аудитории при условии, что в информационных продуктах не содержатся данных о том, что преступники понесли наказание (Phillips, 1974; 1979; 1986). Также было показано, что санкционированная агрессия в виде трансляции боксерских поединков в масштабах страны участвует (на уровне статистической значимости) в приросте числа убийств на 12 случаев. Лабораторные экспериментальные психологические исследования предоставляют данные о связи (от умеренной до сильной) между демонстрацией СМИ сцен насилия и жестокости и увеличения такого рода поведенческих актов в популяции (Берковиц, 2007).

Другой важный аспект проблемы – формирование «эмоционального притупления», связанного с постоянной интервенцией агрессивного содержания по различным каналам информации, что ведет за собой равнодушное отношение к реальным жертвам и криминогенным ситуациям.

Можно выделить следующие условия, потенцирующие возникновение насилия и жестокости у лиц, обращающихся к соответствующей информационной продукции в кратковременной перспективе.

Во-первых, демонстрируемая с привлечением художественных средств физическая или вербальная агрессия может непосредственно влиять на уровень агрессивности зрителя по механизму «заражения».

Во-вторых, актуализация агрессивности и ее повышение связано с тем, что зритель изначально настроен на то, что данная информация о намеренном насилии или жестокости. Другими словами, «у людей,

наблюдающих сцены насилия, не возникнут агрессивные мысли и склонности, если они не интерпретируют увиденные действия как агрессивные» (Берковиц, 2007, с. 253). Таким образом, демонстрация футбольных и хоккейных матчей (в которых, безусловно, присутствуют элементы агрессии) в меньшей степени будут влиять на агрессивность аудитории, чем демонстрация боксерских поединков или других единоборств, конечной целью которых является причинения вреда сопернику (нокаут, нокдаун и проч.).

В-третьих, как уже указывалось выше, даже не считая наблюдаемое событие агрессивным, аудитория СМИ, тем не менее, может получить посыл к агрессии, если ей четко дали понять, что агрессия ненаказуема. По мнению Бандуры (Bandura, 1973), маловероятным является актуализация со стороны зрителя подражательного преступного поведения в случае, если ему наглядно демонстрируются наказание и другие законные последствия преступного поведения. Более того, трансляция информации у высших мерах наказания конкретных преступников (смертная казнь, пожизненное наказание) способствует кратковременному спаду уровня убийств.

В-четвертых, демонстрируемая по каналам СМИ агрессия способна интенсифицировать агрессию зрителя в случае, если в контенте информационного продукта проявления жестокости и насилия а) рассматриваются как обычные формы проявления поведения; б) демонстрируются со значительной долей натуралистичности.

В-пятых, одним из центральных психологических механизмов является отождествление и идентификация зрителя с агрессором на экране, которые достигаются путем демонстрация агрессора как позитивной фигуры, обладающей рядом положительных личностных качеств, внешне (в том числе сексуально) привлекательным и реалистичным (например, фильмы, «основанные на реальных событиях»). Снижение реалистичности фигуры агрессора, включение фантастического контекста несколько снижает уровень

индуцированной агрессии. Важно отметить, что понимание нереальности происходящего на экране (телепередача или кинофильм) доступно психически уравновешенному взрослому человеку, но не всегда доступно ребенку, что увеличивает риск воздействия на него указанных факторов.

Кроме непосредственных эмоциональных и поведенческих проявлений агрессивности, возникающих после приобщения к информационным продуктам, содержащим изображение жестокости и насилия, важно обратить внимание и на долгосрочные эффекты. К числу последних, во-первых, необходимо отнести трансформацию образа мира (преимущественно ребенка) в сторону преувеличенного ожидания агрессии со стороны окружающих под влиянием СМИ. Согласно исследованиям Гербнера (Gerbner, 1989), «люди, которые часто смотрят телевизор, склонны переоценивать уровень агрессивности общества и полагать, что социальный мир опасен в целом и изначально» (цит. по: Берковиц, 2007, с. 269). По данным Сингеров (Singer, Singer, 1986), эта тенденция характерна для лиц подростково-юношеского возраста с невысоким уровнем интеллекта из малоимущих семей. Молодость и отсутствие образования детерминируют склонность этих лиц считать происходящее на экране реальностью, а также принимать навязанным СМИ образ человека как жестокого, ненадежного, подлого и опасного существа. Во-вторых, отсроченным эффектом можно считать формирование агрессивных наклонностей под влиянием рассматриваемого контента, т.е. определенных способов взаимодействия с угрожающим миром. В классическом лонгитюдном исследовании (Eron et al., 1972; Huesmann, 1986) было показано что мальчики, имевшие интерес к телепередачам с агрессивным контентом в возрасте 8 лет, к 19 годам обнаруживали статистически значимо более высокие баллы по личностной агрессивности – они характеризовались как недоброжелательные, враждебные и агрессивные юноши.

В межкультурных этнопсихологических исследованиях (цит. по: Берковиц, 2007) было показано, что неспецифическими для той или иной культуры являются следующие особенности поведения агрессивных детей, которые могут считаться условиями формирования агрессивности:

- 1) дети в целом больше времени проводили у телевизора;
- 2) больше были склонны предпочитать программы со сценами насилия;
- 3) обычно в большей степени отождествляли себя с телеперсонажами;
- 4) больше были склонны думать, что насилие и жестокость, демонстрируемые на экране, правдоподобны.

В целом, считается доказанным, что при постоянном потреблении информационных продуктов, содержащих изображение насилия и жестокости, у лиц детского, подросткового и юношеского возраста формируется определенный способ понимания агрессии и решения проблем, сценарий, определяющий поведение в релевантных ситуациях. Другими словами, люди со сформированным агрессивным сценарием в проблемной и неопределенной ситуации скорее всего выберут агрессию (насилие, жестокое поведение) как способ выхода из сложившихся обстоятельств. Сохранение того или иного деструктивного (для личности и общества) сценария обусловлено постоянной информационной интервенцией агрессивности и жестокости. Актуализация сценария связана с появлением в поле сознания субъекта стимулов, ассоциативно связанных с наблюдаемыми агрессивными стимулами, ранее появлявшимися на экране, а также при наличии ситуации неопределенности (увеличение последних характеризует современное западное общество) (Соколова, 2012).

Информация, связанная с насилием.

Действия, связанные с насилием, и мотивы насилия не должны показываться без обрамления: в плане социального значения, морально-нравственной неприемлемости и недопустимости насилия, последствий на

будущее: должно следовать наказание и транслироваться мысль, что насилие не позволено в обществе. Необходимо разделять ответное и оправданное насилие от иного насилия.

В случае оправданного насилия должен быть показан его ответно-рецептивный характер, необходимость защиты чести и достоинства, Родины и пр. (удержание и обезвреживание преступника и пр.) *без демонстрации натуралистических последствий применения насилия* для личности и для других людей. Насилие должно быть ясно определено как насилие сюжетными и прочими способами.

Критерии нарушения правила: насилие рассматривается как оправданное, возможное, ненаказуемое, оставленное без последствий, всячески создается положительность персонажа-насильника, всякое морально и этически неоправданное насилие, жестокость ради жестокости. Важно иметь в виду, что насилие может быть показано и со стороны самого героя, и со стороны тех последствий, которые принимает сам герой и другие окружающие его люди.

Причиняемый эмоционально-личностному развитию ребенка вред: возникновение идентификации с насильником, приводящее к искажению эмоционального развития, волевых качеств, актуализации тревоги, страха, паники, развитию бесчувственности по отношению к окружающим людям.

Центральная идея позитивная: право личности, ребенка на свободу, неприкосновенность, неприменение к нему насилия, и право ответить, если насилие применяется.

Сексуальное насилие

По данным литературы, наиболее травматичный вид насилия для детей и подростков – сексуальное насилие. О сексуальном насилии в информации СМИ может идти речь, когда сообщается или изображается вовлечение зависимых, функционально неразвитых детей и подростков в действия

сексуального характера, суть которых они в силу возраста понять полностью не способны, присутствует использование ребенка для сексуального удовлетворения взрослого, либо нарушение социальных табу в отношении семейных ролей (инцестуозные отношения).

Совершение сексуально *недопустимых действий* с вовлечением детей людьми, чья разница в возрасте с ребенком равна или превышает 5 лет, или которые, *принуждая* к сексуальным действиям, используют насилие. «Недопустимые действия»: раздевание, генитальные ласки (со стороны взрослого или ребенка), проникновение – оральное, вагинальное или анальное, а также изнасилование. К недопустимым действиям можно отнести также избыточный телесный контакт (страстные поцелуи, сексуальные позы и пр.), ощупывания, целование, манипулирование, в том числе и тайные, детскими половыми органами, совместное принятие ванны взрослым и ребенком, нарушение представлений о степени наготы, считающейся допустимой в общественном сознании в определенном возрасте, что следует отличать от нормальных проявлений семейной близости.

«Принуждение» относится к соотношению сил ребенка и второго человека на момент совершения сексуального действия. Если действие является нежелательным и противоречит представлениям о подходящем возрасте, общественных правилах и гендерных различиях, то имело место принуждение. Если в случае жертвы и насильника разница меньше 5 лет, то след принуждения тоже может быть (случаи брато-сестринского инцеста, несмотря на меньшую разницу в возрасте).

Крайне вредной для психического здоровья ребенка может оказаться даже тяжесть однократного воздействия информации такого рода. Дети (младшие школьники прежде всего) демонстрируют также увеличение числа психологических нарушений в ответ на видение сцен насилия, в которых присутствует накопление воздействия множественных травм или тяжелых ситуаций, особенно в условиях, когда присутствует их взаимосвязь с

отношениями (когда есть потеря связи с родными, воспитателями, насилие, которые угрожает основному содержанию безопасных отношений, к примеру, когда один из родителей какого-либо детского персонажа выступает в качестве жертвы или виновника насилия). Особым вариантом «усиленного» изображения насилия является изображение насилия в сочетании с пренебрежительно-отвергающим отношением и эмоциональной холодностью родителей, психологическим насилием (унижением, грубым оскорблением и пр.), лишением возможности удовлетворения базовых потребностей в безопасности, самопроявлении и пр., физическим насилием (побои, удары по лицу, драки и пр.)

Дети, являющиеся свидетелями насилия, в том числе в СМИ, часто страдают от тех же поведенческих и психологических проблем, что и дети, которые сами подвергаются насилию. Этому способствуют присущая детям младшего школьного возраста незрелость, подчиняемость авторитету взрослого, излишняя доверчивость, недостаточность жизненного опыта и осведомленности в вопросах половых отношений, неумение полно и критично оценивать сложившуюся ситуацию и прогнозировать возможные действия других лиц в сочетании с игривым характером интересов, любопытством и любознательностью, которые побуждают детей к исследованию неизвестных явлений, в том числе сексуальных отношений (Печерникова и др., 1993). Убедительно показано, что сцены насилия, которые видит ребенок, могут актуализировать беспокойство, ночные кошмары, навязчивые мысли, специфические фобии, боязнь нападения, чувство вины, депрессию и чувство беспомощности, увеличить риск деликвентного поведения, в том числе и с обращением к психоактивным веществам (Меньшикова, 1993; Бурлакова, Самойлова, 2011). Изображения сексуального насилия рассматриваются как провокаторы преждевременного сексуализированного поведения у младших школьников, вызывающие трудности в сексуальной идентификации детей (страх «не гомосексуалист ли

я» и др.), поведенческие нарушения в виде сексуальных игр с другими детьми, появления чувства уязвимого Я, сниженной самооценки и пр.

В целом роль возраста в вопросе воздействия неблагоприятных ситуаций, в том числе показанных в СМИ, и реакции детей на него сложна: дети младшего возраста относительно в некотором смысле защищены и уязвимы в другом по сравнению с детьми более старшего возраста. Маленькие дети могут испытывать душевные переживания, потому что они не в полной мере понимают, что они смотрят, очень чувствительны к реакции родителей, или не знают, что тот же самый инцидент показывают снова, воспринимая его каждый раз как вновь произошедший (Franks, 2011). После теракта 11 сентября изучались семьи Бостона (Otto и др., 2007) и было обнаружено, что существует связь между воздействием СМИ и посттравматическими симптомами у детей младшего возраста (младше 10 лет). С другой стороны, более взрослые дети, вероятно, имеют больший доступ к медиа, что может представлять большую угрозу, т.к. они понимают ситуацию лучше (Comer и др., 2008). Когнитивная зрелость в отношении ситуаций насилия связана с большим осознанием предательства, потери будущего, стигмой, с изнасилованием и масштабами разрушений, но в то же время и с большими навыками и возможностями для решения проблем, планирования, поиском помощи и духовным комфортом.

При подаче негативно окрашенной информации для детей в ее организации должны быть заложены также действия по укреплению чувства безопасности, успокаивающее содействие со стороны других лиц и персонажей, информация, способствующая чувству собственной и коллективной эффективности, укрепляющая связность с обществом (ничего не должно остаться безнаказанным и др.), а также содержащая содействие надеждам. Эти принципы вмешательства были предложены для лечения травматического опыта на основе литературы (Hobfoll и др., 2007) и могут быть распространены на работу с информацией для детей в СМИ.

Кибербуллинг. С развитием он-лайн технологий проблема буллинга как неоднократного умышленного агрессивного поведения, направленного против кого-то более слабого, с целью унижения его достоинства, дополняется проблемой кибербуллинга (Солдатова, Зотова, 2011). Размещение он-лайн информации, унижающей достоинство другого человека, не только непосредственно относится к числу жестоких и насильственных действий, но и оправдывает дальнейшее применение кибербуллинга в глазах других подростков, в том числе, благодаря эффекту социального сравнения, переживаниям собственной анонимности и ненаказуемости. По данным российских популяционных исследований, кибербуллинг является актуальной проблемой среди подростков: в среднем по России 23% детей являются жертвой буллинга, причем более 11% - жертвами кибербуллинга (Солдатова, Зотова, 2011). В социальных сетях, помимо оскорблений, распространен вариант кибербуллинга, при котором страницу жертвы взламывают и создают поддельную на ее имя, где размещается унижительный контент. О недостаточном контроле распространения такого рода информации в интернете свидетельствует сравнение этих данных с европейскими результатами: если распространенность буллинга при личном контакте среди европейских и российских школьников практически не отличается, о кибербуллинге российские подростки сообщают в два раза чаще, нежели европейские.

18.4. Информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи

Под информацией, отрицающей семейные ценности и формирующей неуважение к родителям и (или) другим членам семьи понимается информация, пропагандирующая отрицание семейных ценностей или принижающая значимость социальных институтов семьи, брака, материнства и отцовства, способствующая формированию у детей искаженных ориентаций и установок в брачно-семейной сфере, формирующая

неуважительное отношение к родителям, другим членам семьи, а также поведение в семье, нарушающее общепринятые нравственно-этические нормы в области семейного воспитания и коммуникации.

18.5. Информация, оправдывающая противоправное поведение

Предлагается заменить данную формулировку на следующую **"информация, побуждающая детей к противоправным действиям"**, под которой понимается информация, представляющая в привлекательном для детей виде совершение действий, нарушающих требования гражданско-правовых, административно-правовых и других норм законодательства Российской Федерации (за исключением уголовно-правовых норм), а равно содержащая рекомендации по подготовке и совершению правонарушений, в том числе актов вандализма, кощунства или надругательства над традиционными национальными и (или) религиозными ценностями, а также иных деяний, грубо нарушающих права и законные интересы других лиц.

18.6. Информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику

Понятие "информации, вызывающей у детей страх, ужас или панику", трудно поддается определению и нуждается в дополнительном обосновании, уточнении и учете конкретной ситуации и контекста, так как, во-первых, возникновение этих состояний определяется индивидуальными особенностями, и, во-вторых, возрастом ребенка.

Негативные эмоциональные переживания (в том числе, страх, ужас, паника) рассматриваются в качестве ключевого звена в формировании стресса как у взрослых людей, так и у детей и подростков. Страх понимается как реактивное негативное состояние, связанное с переживанием угрозы жизни и психического благополучия. Состояние ужаса характеризуется сильной реакцией испуга при неожиданном воздействии сверхсильного раздражителя, сопровождающейся переживанием безысходности, беспомощности, эмоционального паралича. Паника у ребенка - шоковая

острая негативная реакция, которая выражается в психомоторном возбуждении (активизация системы «бегство») и не поддается сознательному контролю ребенка, а также регуляции со стороны взрослых. Возможности саморегуляции в этом случае крайне ограничены.

Согласно транзактной модели стресса, эмоционально значимый стимул "запускает" процессы оценки угрозы ситуации и собственных способностей к совладанию (Lazarus, 2006). Оценка ситуации как угрожающей, а своих ресурсов как недостаточных, приводит к переживанию стрессовых реакций, в структуре которых выраженные эмоциональные переживания занимают одно из ключевых мест. В последнее время любые копинг-стратегии все чаще рассматриваются в контексте эмоциональной регуляции: пусковым механизмом активных действий всегда служит эмоциональное возбуждение, вызванное стрессором (Losoya et al., 1998).

Выраженные негативные эмоции, возникающие при столкновении с некоторой информацией могут быть следствием как ее содержания, так и невозможности детей и подростков справиться с ситуацией.

Состояния страха и ужаса у детей от 0 до 6 лет.

Страх у детей в возрасте от 0 до 2-3 лет выражается не столько в мимическом выражении страха и специфической вокализации (плаче, крике), сколько в замирании («мнимая смерть») и в сильной соматовегетативной реакции, влекущей за собой нарушения сна, питания, деятельности иммунной системы, в возникновении неврозоподобной симптоматики (тики, заикание, энурез). Страхи, близкие к психотическим, а также игровые визуализации (ребенок видит пугающие сцены из мультфильмов на стене или одеяле) возникают у детей, которые по своей конституции склонны реагировать страхом. Это тормозимые дети, склонные реагировать «интернализированно», т.е. у них соматовегетативные реакции мощные, в то время как эмоциональная экспрессия страха минимальна, при этом формирование условных и безусловных связей между реакцией страха и

пугающим стимулом происходит мгновенно, по типу короткого замыкания. Дети с аутистическими чертами (1 из 20 в современной популяции, по данным наших наблюдений в массовых детских садах Москвы в 2009-2013 годах) являются ярким примером такого рода. Страхи детей без ярко выраженных аутистических черт могут быть значительно смягчены и даже трансформированы в интерес и другие эмоции, если ребенок смотрит мультфильм (или другой материал) вместе с близким взрослым. Дети с аутизмом реагируют исключительно на яркие сенсорные ключи, если они вызывают у них страх, а сигналы, идущие в это время от взрослого, игнорируют (собственные наблюдения). При этом со стороны они выглядят «за мороженными», полностью очарованными зрелищем.

В состоянии ужаса, как правило, дети младше 6 лет пытаются заглушить, «перебить» его стереотипными движениями (раскачиваниями), прячутся, закрывают уши руками, выбегают из комнаты, ложатся на пол и закрывают голову руками и пр. В данном случае сильная ауто стимуляция и особенности позы являются признаками испуга (лица ребенка, как правило, не видно). У аутичных детей и детей с умственной отсталостью возможны приступы аутоагрессии (собственные наблюдения).

При разработке критериев безопасности содержания материалов СМИ для детей от 0 до 6 лет следует учитывать следующие *особенности аффективного реагирования* (возрастно-специфические страхи), внимания, памяти, восприятия, мышления, и саморегуляции детей этого возраста.

1) В целом младенцы и дети до 2 лет учатся лучше из реального опыта, а не из видео, которое они могут игнорировать (смещают фокус внимания, закрывают глаза), поэтому влияние видеоматериалов на них менее значительно, чем на детей старше 2 лет. Тем не менее, количество проводимого младенцами времени у экранов телевизоров или мониторов положительно коррелирует с нарушениями саморегуляции, когнитивного

развития и с низкой академической успеваемостью у этих детей в школьном возрасте.

2) Дети 3-4 лет в силу анимизма и магического мышления (см. Пиаже) путают реальные образы и образы телевизионные (воспринимают их как реальные); дети с сильными фоновыми страхами любого возраста (в т.ч. дети с аутистическими чертами, которые составляют большой процент среди детей-зрителей и проводят за просмотром мультфильмов и фильмов очень много времени, т.к. они заменяют для них реальную жизнь) могут бояться теней и зеркальных отражений.

3) Дети младше 5 лет могут воспринимать рекламу как часть фильма или программы, что может нарушать развитие умения выделять смысл события и устанавливать причинно-следственные связи. Неспособность ребенка выстроить связь между содержанием фильма и содержанием рекламы может вызывать у него чувство беспомощности и тревогу.

4) Просмотр мультфильмов с агрессивным содержанием приводит к ухудшению саморегуляции детей-дошкольников (Kirkorian et al, 2008). Проблемы с послушанием и импульсивное агрессивное поведение возникают путем идентификации с агрессором как попытка справиться со страхом, вызванным просмотром этих мультфильмов.

5) Дети дошкольного возраста фиксируются на воспоминаниях ярких сенсорных ключевых стимулов, мотивы поступков героев и сюжет в воспоминаниях не доминируют. Дети обобщают материал на основе аффективного сходства. Скрытые, не обнаруженные в четких высказываниях, мотивы поступков героев для них недоступны. Обычно скрытые мотивы ребенку транслирует и объясняет смотрящий с ним теле- или видеоматериал взрослый.

6) Юмористический подтекст значительно смягчает негативные эффекты от восприятия пугающей информации у детей-дошкольников (Wilson, 2008).

7) Источники страхов детей меняются по мере взросления ребенка. Типичные источники страха у современных детей: 0-6 месяцев – резкие интенсивные сенсорные воздействия, разрушающие еще очень слабые сенсомоторные координации и работу «сенсорных фильтров», 6 месяцев – страх чужих, с 9 месяцев до старшего возраста – страх потери матери, страх падения, страх одиночества; 12-18 месяцев – страх определенных лиц (с бородой, в очках, в маске и пр.), затрудняющих восприятие их эмоциональной экспрессии; 18-24 месяцев – страх нарушения устойчивых аффективных стереотипов (переезда, помещения в ясли, страх горшка, темноты и пр.), работающих приборов; 2-3 года – страх клоунов, пьяных, 3-6 лет - страх животных (лошадей, собак); 5-6 лет – страх наказания, оценки.

8) Дети от 0 до 3 лет не чувствительны к противоречиям в невербальной коммуникации. Из-за более высокой адаптивной ценности восприятия негативных эмоций и признаков угрозы, невербальный сигнал, транслирующий негативную эмоцию, «перебивает» сопутствующий невербальный сигнал, транслирующий позитивную эмоцию. Так, они не могут отличить доброго героя от плохого, если плохой улыбается и говорит приветливым голосом, а хороший герой скалит зубы, резко двигается и кричит. Дети 0-3 лет не размышляют в таких абстрактных категориях, как «победа добра над злом», поэтому этот критерий вызывает сомнения.

Герои с застывшей мимикой, не зависимо от ее знака (например, клоуны, герои в масках), вызывают у детей от 0 до 3 лет страх.

9) Наиболее уязвимая группа потребителей контента масс медиа – дети 2-5 лет, которые уже не могут игнорировать, как младенцы, содержание телевизионных и видеопрограмм, но не полностью могут воспринимать их символическое, условное значение, склонны к немедленному подражанию и

наиболее внушаемы (смотрят видеопroduкцию «заморожено», без всякой критики) (собственные наблюдения).

10) Состояния страха, ужаса и паники с большей вероятностью возникают у детей, которые смотрят мультфильмы и другой медиа-материал в одиночку, без объяснений и эмоциональной поддержки близкого взрослого.

11) Взрослые часто недооценивают и игнорируют выражения страха, тревоги и депрессии у детей даже в том случае, если они смотрят видео и телематериал вместе с детьми. Реакцию замиранья с широко открытыми глазами взрослые принимают за интерес. Последствия просмотра мультфильмов могут быть совершенно неожиданными для взрослых. (Так, девочка 4 лет вечером после просмотра мультфильма «Колобок» отказалась есть блины, залившись слезами, не объясняя причин. Затем отказывалась и от других блюд из теста. Только спустя несколько дней выяснилось, что ей «колобка жалко» (случай из собственной практики)).

12) Существует импринтинг (безусловное запечатление) пугающих образов: люди вспоминают «с содроганием», т.е. с сопутствующей соматовегетативной реакцией, образы из видео и телепродукции, вызвавшие у них страх в раннем возрасте, в течение, по крайней мере, нескольких десятков лет.

Из информационного контента, должны быть исключены материалы, которые могут вызвать сильные реакции страха у детей, вспышки немотивированной агрессии, импульсивное поведение с разрушительными последствиями, нарушения сна, питания, игры, нарушить их психическое развитие в целом:

1. Для детей от 0 лет до 3 лет это материалы, содержащие сверхсильную сенсорную стимуляцию: быструю смену картинок, цветовые вспышки, громкие резкие звуки, крики, шумы механических приборов, быстрое приближение объекта к зрителю, разнонаправленное стремительное

движение нескольких объектов в кадре, нереалистично большие угрожающие фигуры людей и животных, уродливые лица, фрагменты лиц и тел людей, морды животных с открытой пастью с зубами; противоречивые невербальные сигналы, исходящие от одного героя (образы клоунов – маньяков).

2. Для детей от 0 до 6 лет это сцены потери/гибели ребенка, родителей, видеорепортажи из районов стихийных бедствий (сцены наводнения, землетрясений с разрушениями), катастроф, аварий с реалистично показанными последствиями (трупы, фрагменты тел, острые состояния у людей, потерявших близких), реалистичные сцены насилия, любые сцены издевательств взрослых над детьми, сильных над слабыми, нападения хищников на людей, описанные с реалистическими подробностями, реалистически представленные медицинские процедуры с изображением крови и яркими реакциями боли пациентов, натуралистично описанные сексуальные действия, которые ребенок может принять за агрессивное взаимодействие, образы героев в алкогольном и наркотическом опьянении (у детей этого возраста отмечается сильный страх пьяных людей, т.к. их реакции непредсказуемы, высока вероятность агрессивного ответа с их стороны, невербальные сигналы искажены и не регулируются другими людьми). Образы с размытыми или неустойчивыми телесными границами (монстры, призраки, ведьмы, привидения, зомби), выражающие угрозу.

Возникновение состояния страха, ужаса и других негативных эмоциональных состояний у детей и подростков 9-16 лет

По данным популяционного российского исследования детей и подростков 9-16 лет и их родителей (Солдатова, Зотова, 2011, Солдатова, Лебешева, 2011, Солдатова и соавт., 2012), подростки сообщают о выраженных негативных эмоциональных переживаниях при столкновении с различными рисками и угрозами интернета, в особенности с буллингом и получением сообщений сексуального характера. В целом, с возрастом

подростков, переживающих из-за столкновения с теми или иными рисками и угрозами интернета, становится все меньше. Например, при столкновении с сексуальным контентом дети 9-10 лет сильно расстраиваются более, чем в 40% случаев, подростки 15-16 лет - менее, чем в 20% случаев. Следует учитывать, что риски интернета могут быть не только контентными, т.е. возникающими в процессе использования находящихся в Сети материалов, но и коммуникационными (возникающими в процессе межличностного общения и взаимодействия в сети), потребительскими (возникающими в результате злоупотребления в интернете правами потребителя) и техническими, связанными с угрозами повреждения компьютерного оборудования и/или хранящейся информации, а также хищением личной информации (Солдатова и соавт., 2013).

Трудности эмоционального совладания с негативной информацией у детей и подростков.

Совладание N. Eisenberg и R. Fabes (Eisenberg et al., 1995) выделяют три взаимосвязанных вида эмоциональной регуляции: регуляция переживаемых эмоций (эмоционально-ориентированные копинги), т.е. процессов порождения, поддержания, управления эмоциональными состояниями, регуляция поведения (собственных действий и выражения эмоций) и регуляция контекста, вызывающего эмоции (проблемно-ориентированные копинги). Вид копинга не связан с его природой: эмоционально-ориентированные копинги нередко бывают когнитивными (переключение внимания, воспоминания о чем-нибудь приятном и т.п.). Как правило, проблемно-ориентированные копинги рассматриваются как более "продуктивные" на том основании, что, по данным исследований, они связаны с большей эффективностью деятельности (Lazarus, Folkman, 1984) и субъективно оцениваются как более эффективные (Ptacek et al, 1992), чем эмоционально-ориентированные копинги. Однако, к настоящему моменту существует целая серия данных, свидетельствующих, что эмоционально-

ориентированные копинги могут быть более продуктивны, нежели эмоционально-ориентированные в случае чрезмерной выраженности негативных эмоций (Brown et al, 2005), а также в неконтролируемых ситуациях (Miller, Green, 1985, Bowman, Stern, 1995).

В целом, если речь идет о совладающем поведении в отношении он-лайн рисков (Soldatova, Zotova, 2012), непродуктивными можно признать стратегии, связанные с пассивным поведением и избеганием (например, отказом от пользования интернетом); к более продуктивным стратегиям относят попытки активного решения проблемы, поиска помощи и т.п. Более, чем в 20% случаев при столкновении с рисками и угрозами он-лайн подростки надеются, что проблема разрешится сама собой, в некоторых случаях - прекращают на время пользоваться интернетом (там же). Относительно редко они используют технические возможности интернета (например, изменение настроек профиля в сети) и практически никогда не прибегают к специализированной помощи. Поиск социальной поддержки - одна из распространенных стратегий совладания, но, как правило, подростки рассказывают о произошедшем друзьям и иногда - родителям. В целом, трудности эмоционального совладания и, как следствие, усиление негативных эмоциональных переживаний у подростков в интернете могут провоцироваться недостатком информации о возможностях решения возникших проблем, указаний по поводу обращения за технической поддержкой, контактов специалистов и т.п. Такой же эффект может иметь и информация, провоцирующая пассивность в интернете, отсутствие собственной позиции, переживания бессилия и отсутствия контроля, невозможности ни на что повлиять.

18.7. Информация, содержащая детскую порнографию

На тридцать третьем пленарном заседании межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, состоявшемся в Санкт-Петербурге 3 декабря 2009 года постановлением № 33-15 был принят Модельный закон о защите

детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в котором определяется ряд важных понятий, используемых в Федеральном законе №436-ФЗ. В том числе, дается определение детской порнографии. Со ссылкой на данный закон, можно определить информацию, содержащую детскую порнографию как "информацию, содержащую описание или фото-, видеоизображение или иное изображение ребенка или совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающих или имитирующих половое сношение или иные действия сексуального характера или принимающих участие в совершении или имитации таких действий, либо реалистичное изображение (в том числе созданное средствами компьютерной графики, анимационными или иными изобразительными средствами) образа ребенка, совершающего действия сексуального характера или участвующего в таких действиях, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях" ("Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (Принят в г.Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

18.8. Изображение (описание) жестокости – презентация в визуальной, аудиальной, текстовой и иных формах информации, включающей в себя широкий спектр деструктивного поведения одного персонажа (ребенок, взрослый, животное, фантастическое существо) или группы персонажей, направленного на другого персонажа или группу персонажей, отличительными характеристиками которого является отсутствие мотивов самообороны при наличии хулиганских побуждений и/или с применением садистических методов. Включает в себя изображение пыток, истязаний, мучений; глумление над жертвой; изображение способов нанесения увечий; натуралистическое изображение лишения жизни; изображение действий, причиняющих физические или психические страдания человеку или

животному; изображение надругательства над телами умерших и местами их захоронения.

18.9. Изображение (описание) насилия – презентация в визуальной, аудиальной, текстовой и иных формах информации, включающей в себя широкий спектр деструктивного поведения одного персонажа (ребенок, взрослый, животное, фантастическое существо) или группы персонажей, направленного на другого персонажа или группу персонажей. Включает в себя следующие виды (Сафонова, Цымбал, 1993):

1) **Физическое насилие** – изображение нанесения персонажу (персонажам) физических травм, различных телесных повреждений, которые с очевидностью могут причинять ущерб здоровью или лишают жизни. Эти действия могут осуществляться в форме избиения, истязания, сотрясения, в виде ударов, пощечин, прижигания горячими предметами, жидкостями, зажженными сигаретами, в виде укусов и с использованием самых различных предметов в качестве орудий. Физическое насилие включает также изображение включения персонажа (персонажей) в употребление наркотиков, алкоголя, дачу ему (им) отравляющих веществ или медицинских препаратов, вызывающих одурманивание (например, снотворных, не прописанных врачом), а также попытки удушения или утопления персонажа (персонажей).

2) **Сексуальное насилие или совращение** – изображение использования персонажа другим персонажем для удовлетворения сексуальных потребностей без согласия первого или получения выгоды. Сексуальное насилие включает половое сношение (коитус), оральный и анальный секс, взаимную мастурбацию, другие телесные контакты с половыми органами. К сексуальному развращению относятся также вовлечение в проституцию, порнобизнес, обнажение половых органов, подглядывание за ним, когда он этого не подозревает: во время раздевания, отправления естественных нужд.

3) Психическое (эмоциональное) насилие – изображение постоянного или периодического словесного оскорбления персонажа, угрозы со стороны другого персонажа (персонажей), унижение его человеческого достоинства, обвинение в грубых и вульгарных формах его в том, в чем он не виноват, демонстрация нелюбви, неприязни, угрозы жестами.

4) К изображению насилия также следует отнести натуралистическое изображение трупов и натуралистическое изображение кровопролития: с использованием определенных визуальных, аудиальных и текстовых художественных средств и эффектов (например, крупным планом в кинематографе) показываются внутренние органы персонажа после совершения над ним жестоких агрессивных действий, демонстрируются расчленение трупов, их поедание и проч.

18.10. Информационная продукция, содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани

Особенности языка, которыми характеризуется информационная продукция, являются важнейшим показателем опасности/безопасности информации для детей разных возрастных категорий. Язык относится к числу основных элементов контента продукции, способных оказать сильное воздействие на неокрепшую психику ребенка. В Законе №436-ФЗ уже выражена позиция по отношению к языку, который может быть опасен для ребенка.

Так, однозначно в статье 5 (2) к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится **информация, содержащая нецензурную брань.**

В то же время, не только нецензурная брань может негативно сказаться на развитии детей определенных возрастных категорий, а так называемая информация, **содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к**

нецензурной брани, определение и экспертиза наличия которой требует специального анализа.

В разрабатываемой Методике проведения экспертизы информационной продукции в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 октября №436-ФЗ (далее – Методика) уже присутствует соответствующая позиция:

3.5.УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (ФЗ, СТ.5, 2-

б)

Употребление ненормативной лексики	Д а	Н ет
Наличие нецензурных слов и выражений (матерных – по словарям ненормативной лексики) вне зависимости от их сюжетной или персонажной функции, особенно в адрес ребенка или из уст ребенка		
Ненормативные речевые обороты и выражения, сходные до степени смешения с нецензурными вне зависимости от их сюжетной или персонажной функции, особенно в адрес ребенка или из уст ребенка		
Наличие бранных слов (имеющих в толковых словарях такую помету и используемых в бранной функции, особенно в адрес ребенка или из уст ребенка)		
Наличие вульгарных, жаргонных, экспрессивно-просторечных (имеющих такие словарные пометы) как речевых характеристик персонажей или как средств сюжетной выразительности		

В то же время, ее применение экспертами Роскомнадзора может быть затруднено из-за того, что им незнакомо лингвистическое содержание этих юридизированных слов (т.е. вошедших в законодательство на правах терминов, обозначающих признаки состава правонарушения/преступления), и наоборот, бытовое значение этих слов может затемнять и подменять объем соответствующих понятий.

Эта сложность разрешается путем создания подробного толкования этих терминов в современной концептуальной парадигме, которая стала научной основой для производства экспертиз, объединив лингвокриминалистику (в понимании Л.В.Златоустовой), судебное речеведение (по Р.К. Потаповой и Е.И. Галяшиной), юрислингвистику (по Н.Д.Голеву), лингвоэкспертологию (по К.И.Бриневу), а также инкорпорировав концепции коммуникативной лингвистики, включая традиционную стилистику, социолингвистику, теорию речевых актов и другие. Такое толкование должно быть предложено разработчиками «Методики» в таком разделе Глоссарий, и выполнено силами участников проекта – лингвистов-экспертов с факультета журналистики и с филологического факультета МГУ.

Это должна быть большая научно-исследовательская работа, выполняемая на следующих этапах создания Методики: в рамках данного ФЗ стилистические характеристики **нецензурное** и **бранное** должны получить лингвоэкспертную экспликацию, а также должны быть соотнесены с теми же или аналогичными характеристиками, применяемыми в рамках иных законодательных актов, а именно – ФЗ «О рекламе» (п. 6 ст. 5: запрещено употреблять **бренные слова** и **непристойные образы и выражения**) и в ФЗ «О СМИ» (ч. 1 ст. 4: запрещены материалы, содержащие **нецензурную брань**), равно как в КоАП РФ (ст. 13.21).

Лингвоэкспертный подход в случае ФЗ № 436 может опираться, с одной стороны, на традиции отечественной академической лексикографии и

достижения лексикографов (прежде всего Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). В их словарях в число стилистических помет входят характеристики «прост.», «груб.», «бран.» - это уже позволяет толковать конкретные слова из конкретного информационного продукта, безусловно, обязательно учитывая контекст. С другой стороны, разработчики могут опереться на теорию и практику антидиффамационных экспертиз, теоретическую основу которых заложили исследования середины 90-х гг. – конца XXв. и начала XXIв., и прежде всего книга «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ», М., ФЗГ, 1996, написанная по заказу и под патронатом Фонда защиты гласности коллективом крупных московских ученых – стилистов и психолингвистов - под руководством акад. А.А. Леонтьева, а также разработки ярославского исследователя В.И. Жельвиса («Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира», М., «Ладомир», 1997) и воронежского ученого И.А. Стернина, в том числе его публикации по социолингвистическим исследованиям обыденного русского языкового сознания, в т. ч. «наивного» стилистического шкалирования русской лексики по оппозициям нормативное/ненормативное, включая параметры «нецензурное» и «бранное». Но и применяя этот подход, нужно учитывать контекстуальные особенности.

Учет контекста, в свою очередь, потребует от эксперта владения аппаратом, во-первых, теории масс медиа, а во-вторых, лингвистики и стилистики текста. А это значит, что от разработчиков нужна адаптация этого аппарата, его операционализация для нужд экспертизы по ФЗ № 436.

На данном этапе можно рекомендовать использовать наработки И.А. Стернина – схему расслоения русской лексики в статье «Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста» (<http://konference.siberia->

expert.com/publ/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/sternin_i_a_neprilichnaja_forma_vyskazyvanija_v_lingvokriminalisticheskom_analize_teksta/2-1-0-23)

В курсах лекций и практических занятий по подготовке экспертов Роскомнадзора необходимо развивать их лингвистическую компетенцию на основе стилистики и культуры речи.

Нужно формировать у них:

1) представление о нормативности как понятии, основополагающем для анализа любой человеческой деятельности, включая речевую, и об иерархической системе прагматических норм – языковых (от литературной до стилистической), жанрово-дискурсивных и коммуникативных (от этикетной и этической до правовой)

2) деятельностный подход к исследованию информационных продуктов.

Это позволит экспертам во время работы над конфликтогенным текстом/фрагментом осознать в составе лексической семантики слова, словосочетания, вызвавшего негативное внимание правоприменителя или заявителя, **базовую стилистическую/ коннотативную оппозицию** «нормативное/ ненормативное» и в ее пределах непротиворечиво различать и объединять **этические коннотации** «вульгарное» и «грубое», «неприличное» и «нецензурное», а также **деятельностные** – «бранное», «презрительное» и др. Наряду с другими аналитическими алгоритмами это позволит экспертам подняться в интерпретации на уровень целого текста и, осознав замысел/интенцию автора, реконструировать и охарактеризовать коммуникативную целеустановку как фрагмента, несущего маркированное выражение, так и произведения в целом, а также оценить в контексте риторико-стилистическую функцию данного слова/ выражения.

18.11. Пропаганда насилия и жестокости

В соответствии с вышеуказанным Модельным законом о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и насилию, под пропагандой насилия и жестокости понимается "распространение информации, направленное на формирование в сознании детей установок и (или) стереотипов агрессивного, насильственного поведения либо имеющее целью побудить или побуждающее их к актам противоправного насилия и (или) жестокого обращения с человеком или животным, в том числе путем романтизации или героизации насилия и жестокости, их оправдания, восхваления или представления как нормы поведения либо в качестве приемлемого и (или) предпочтительного способа разрешения конфликтов и жизненных проблем ("Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (Принят в г.Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

18.12. Пропаганда антиобщественных и противоправных действий

Согласно Модельному закону о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и насилию, под информацией, пропагандирующей и провоцирующей детей на антиобщественные и противоправные действия, понимается "информация, способная побудить детей к употреблению наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, к занятию проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, к совершению актов вандализма, кощунства или надругательства над традиционными национальными и (или) религиозными ценностями, а также к совершению иных деяний, грубо нарушающих права и законные интересы других лиц" ("Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (Принят в г.Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-ем

пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

18.13. Пропаганда преступлений

Под пропагандой преступлений понимается "распространение информации, направленное на формирование в сознании детей установок преступного поведения, в том числе информации, содержащей призывы к совершению уголовно наказуемых деяний или инструкции о способах подготовки, совершения, сокрытия преступлений, уклонения от уголовной ответственности, либо обосновывающей или оправдывающей их допустимость, либо романтизирующей преступный образ жизни..." ("Модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" (Принят в г.Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-15 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ)

Список литературы

1. Бурлакова Н.С., Самойлова Т.Г. Особенности самосознания мальчиков дошкольного возраста с опытом длительного внутрисемейного насилия. В сб. Коррекция и профилактика нарушений поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья. Материалы 1 Всероссийской научно-практической конференции (17-18 окт. 2011), М., 2011, с. 37-41
2. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. №1. С. 81-87.
3. Меньшикова Е.С. Жестокое обращение с детьми и его возможные отдаленные последствия // Психологический журнал, №6, 1993.
4. Печерникова Т.П., Морозова Н.Б., Смирнова Т.А., Литвиненко И.В. Психогенные состояния у несовершеннолетних потерпевших. Методические рекомендации, М., 1993.
5. Рассказова Е.И. Саморегуляция в психологии здоровья и клинической психологии // Вопросы психологии. 2012. №1. С. 75-82.
6. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
7. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания // Образовательная политика. 2011. № 5 (55). С.48–59.
8. Солдатова Г.В., Лебешева М.И. Опасное любопытство. Кто и как попадает на сайты, несущие угрозу для здоровья школьников? // Дети в информационном обществе. 2011. № 8. С.46–55.
9. Солдатова Г.В., Рассказова Е.И., Лебешева М.И. Жестокий опыт // Дети в информационном обществе. 2012. № 12. С.26–35.
10. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013.

11. Субботский Е.В. Строящееся сознание. М: Смысл, 2007.
12. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М: Смысл, 2002.
13. Тхостов А.Ш., Емелин В.А. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий // Психологические исследования. 2010. №6(14). URL: <http://psystudy.ru/index.php/component/content/article/42-n6-14/400-tkhostov-emelin14.html?directory=82>
14. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М: Эксмо, 2006.
15. Ajzen, I. The theory of planned behavior // Organizational behavior and human decision processes, 1991, 50. Pp. 179-211.
16. Alao A.O., Soderberg M., Pohl E.L., Alao A.L. Cybersuicide: review of the role of the Internet on suicide. Cyberpsychol Behav 2006;9:489–93.
17. Armitage, C.J., Conner, M. Social cognition models and health behavior: a structured review // Psychology and Health. 2000. 15. P. 173-189.
18. Bandura A. Social foundation of thought and action: a social cognitive theory. Englewood-Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986.
19. Barker, K. Sex, soap, and social change: the Sabido methodology / In M. Haider (Ed.) Global public health communication: Challenges, perspectives, and strategies. Boston: Jones and Bartlett Publishers, 2005. P. 113-153.
20. Birbal R., Maharajh H.D., Birbal R., Clapperton M., Jarvis J., Ragoonath A.,
21. Bowman G., Stern M. Adjustment to occupational stress: the relationship of perceived control to effectiveness of coping strategies // Journal of Councelling Psychology, 1995, 42(3), pp. 294-303.
22. Boyer E.W., Shannon M., Hibberd P.L. The Internet and psychoactive
23. Brown S.P., Westbrook R.A., Challagalla G. Good Cope, Bad Cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event // Journal of applied psychology, 2005, vol. 90, no.4, pp. 982-798.
24. Comer JS, Furr JM, Beidas RS, Weiner CL, Kendall PC. 2008. Children and terrorism-related news: training parents in coping and media literacy. J. Consult. Clin. Psychol. 76(4):568–78

25. Conroy, D.E., Maher, J.P., Elavsky, S., Hyde, A.L., Doerksen, S.E. Sedentary behavior as a daily process regulated by habits and intentions // *Health Psychology*. 2013. In press.
26. Cooke, R., French, D.P. How well do the theory of reasoned action and theory of planned behaviour predict intentions and attendance at screening programmes? A meta-analysis. // *Psychology and health*. 2008. 23 (7). P. 745-765.
27. de Bruin, M., Sheeran, P., Kok, G., Hiemstra, A., Prins, J.M., Hospers, H.J., van Breukelen, G.J.P. Self-regulatory processes mediate the intention-behavior relation for adherence and exercise behavior // *Health Psychology*. 2012. 31(6). P. 695-703.
28. Edwards, W. The theory of decision making // *Psychological Bulletin*. 1954. 51. P. 380-417.
29. Franks BA. 2011. Moving targets: a developmental framework for understanding children's changes following disasters. *J. Appl. Dev. Psychol.* 32(2):58–69
30. Hobfoll и др.(2007) Hobfoll SE, Watson P, Bell CC, Bryant RA, Brymer MJ, et al. 2007. Five essential elements of immediate and mid-term mass trauma intervention: empirical evidence. *Psychiatry* 70(4):283–315
31. Kirkorian H.L., Wartella E.A., & Anderson D. Media and young children learning. // *Children and electronic media*. Vol. 18, № 1, Spring, 2008, p. 39-62.
32. McFarlane M., Bull S.S., Rietmeijer C.A. The Internet as a newly emerging risk environment for sexually transmitted diseases. *JAMA* 2000;284: 443–6.
33. McGrath MG, Casey E. Forensic psychiatry and the Internet: practical perspectives on sexual predators and obsessional harassers in cyberspace. *J Am Acad Psychiatry Law* 2002;30(1):81–94.
34. Naito A. Internet suicide in Japan: implications for child and adolescent mental health. *Clin Child Psychol Psychiatry* 2007;12:583–97.

35. Norris M.L., Boydell K.M., Pinhas L., Katzman D.K. Ana and the Internet: a review of pro-anorexia websites. *Int J Eat Disord* 2006;39(6):443–7, *Pediatrics* 2005;116(1):303–26.
36. Otto MW, Henin A, Hirshfeld-Becker DR, Pollack MH, Biederman J, Rosenbaum J. 2007. Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders. *J. Anxiety Disord.* 21(7):888–902
37. Recupero P.R., Harms S.E., Noble J.M. Googling suicide: surfing for suicide information on the Internet. *J Clin Psychiatry* 2008;69:878–88.
38. Wilson B.J. Media and Children's aggression, fear and altruism. // *Children and electronic media*. Vol. 18, № 1, Spring, 2008, p. 87-118.